

Александр ЖДАНОВ

ПРОСТИ, БРАТ

Я родился и провел детство на Украине, в очень уютном городе Полтаве. Там воздух мягкий и вкусный, с ароматом цветения вишни, диких абрикосов и «райских яблок». Высокие пирамидальные тополя и раскидистые акации аккуратно побелены и бесконечными рядами уходят в черные колхозные пашни. В те времена еще можно было увидеть села с белыми хатами-мазанками, покрытыми соломенными крышами, и услышать там вечерние песни, текущие из садов в сады. На огромных зеленых холмах монастыри и церкви охраняли бескрайние долины рек, неизменно текущих в Днепр.

Дом, в котором я родился, стоит в старом городе, среди маленьких скверов, больших парков, каштановых аллей и пешеходных улиц. Там сейчас живет мой двоюродный брат. Мы видимся редко, в основном друг другу пишем.

Еще школьником я переехал в Москву, и привязанность к родным местам потихоньку стерлась. Каждый приезд на Украину был радостным и ностальгически теплым, но я все больше чувствовал себя гостем. Раньше все говорили на русском, украинский был только в деревне. Отъезжая от города на двадцать километров, ты попадал в совершенно другую страну, там жили иные люди, они общались на не вполне понятном, но очень певучем и красивом языке. Загорелые, крепкие, как боксерская груша, колхозники были удивительно простодушными, добрыми и застенчивыми.

Начало

Все изменилось в жизни после киевского Майдана. Революция сметала то доброе, что было между русскими и украинцами. Общая история и родство не могли спасти нас от агонии взаимного отторжения.

Мы с братом общались, стараясь не затрагивать политические темы, они болезненно разрушали нашу близость и радушие. Крым, Одесса, русские на Донбассе — все эти темы нас отдаляли друг от друга навсегда и так стремительно, что скоро мы перестали общаться совсем.

Через шесть месяцев молчания мне неожиданно написала жена брата:

<...@ukr> 31 дек. 2014 в 18:55

Саша, здравствуй, это Наташа. Я не могу найти Славу уже два месяца. Я не знаю, что делать. Он уехал на Донбасс. Наши не знают, где он. Донецкие говорят, у них тоже его нет. Помоги. Я с ума сойду.

<...@ru> 31 дек. 2014 в 19:07

Здравствуй. Расскажи, где он был и когда ты говорила с ним последний раз.

<...@ukr> 31 дек. 2014 в 19:10

Его призвали. Летом он был под Мариуполем, потом где-то на Саур-Могиле, там его ранили, он лежал в госпитале, потом побыл дома и поехал под Иловайск, там они попали в котел. Их вывез вовремя командир, но уже тут командира судили, а их переформировали и отправили опять. Через две недели он позвонил из Марьинки под Донецком. Потом звонил еще два раза, последний раз третьего ноября, связь была очень плохая, я ничего не поняла, слышала только: «Позво-ни...», несколько раз. И все. Никто не знает ничего. Там же рядом этот Аэропорт проклятый. С него уже столько привезли убитых, соседке зятя оттуда привезли. Может, знакомые есть? Помогите.

<...@ru> 31 дек. 2014 в 19:23

Понял. Буду узнавать. Зачем он второй раз поехал, не навоевался?

<...@ukr> 31 дек. 2014 в 19:31

Ой, не знаю. Идеальный стал. Я уже молчу. Другие лишь бы сбежать оттуда, а ему же надо шо-то. Побыл дома две недели, потом собрался и уехал.

Непонятно, что делать — Славка мне брат, и все мое детство связано с ним. Но он выбрал свой путь, нашел себе войну, и там, само собой, с ним случилось что-то нехорошее. Мне очень жалко страдающих людей, но что я могу? Человек сознательно пошел воевать. И потом, на Донбассе я никогда не был, знакомых у меня там нет, мои друзья никак не связаны с событиями на Украине, все, что я слышал и видел, только репортажи оттуда.

Я колебался: брата я вряд ли найду, и ехать туда — это дикая авантюра. С другой стороны, я чувствовал, что мне будет стыдно перед самим собой, если я останусь «на диване у телевизора» переживать происходящее там. Информация о событиях на Донбассе противоречивая, и в ней много пропаганды. Весь год я смотрел выпуски новостей и тяжело переживал происходящее на Украине. Я решил ехать и увидеть все своими глазами.

Вход

Начал обзванивать знакомых. Выяснилось, что мой товарищ часто ездит в Ростов-на-Дону. Там он общался с Романом, который воевал в ополчении, был тяжело ранен. Я созвонился с этим человеком, он выказал готовность помочь, я собрался и поехал. В Ростове меня встретили с южным гостеприимством и казацкой деловитостью: накормили, напоили, довезли до границы с Донецкой Народной Республикой, обеспечили сопровождение и сказали: «С Богом!»

Россия со мной простилась и опустила полосатый шлагбаум за спиной. Дорога перестала быть расчищенной и скрылась под слоем льда. Долгие снегопады и отсутствие дорожных служб превратили некоторые районы ДНР в территорию экстремального перемещения в пространстве. Очень холодно, дикий ветер, деревья обрублены обстрелами, ледяная дорога покрыта воронками величиной с машину.

Мой новый товарищ, «сепаратист» Серега, с военным позывным «Кот», встретил меня на границе. Высокий, худющий, жилистый, немногословный человек всю жизнь проработал шахтером, был мастером участка, получил инвалидность после аварии в забое. Серега вез от границы продукты в приход отца Олега. Ба-

тюшка при храме организовал столовую для неимущих односельчан, кормили около ста человек в день.

Огромное село: едешь-едешь, и ни конца, ни края. Наконец-то доехали до храма. Крыша посечена осколками, измятая маковка с крестом стоит на земле. Ограда вся в дырах от взрывов. Откуда-то раздавались песнопения, отец Олег вышел из-за храма с прихожанами, несущими хоругви и иконы. Еще круг крестного хода, и все зашли в храм, после пошли обедать.

За столом помолились и сели кушать. Отец Олег посадил нас рядом и рассказал, как прошло лето:

— Они ж, бесы, нам разбомбили водокачку, а жара стоит, рятуй Боже, вода кончилась, а село большое, колодцы выпили через день. Ну, шо делать, собрал народ и распределил время у колодцев, шоб не дрались. А возле села в балке бьет крыныця, мы сделали дамбочку, запрудили ручеек и стали ходить за водой. Так эти черти пытались попасть минами в тот источник, то ли развлекались, то ли пьяные. Спасла все село крыныця, сделаем на ней часовню после. Урожай сгорел без воды, собрали только картошку. Обстреливать стали со стороны Никишино после этого бедного «боинга». Эти ж малазийцы, Царствия им Божия, полетели на нас, как птицы, падали на дорогу и проламывали крыши домов, на проводах висели, в школу два упали, помилуй Боже, три жителя с ума сошли.

Территория бездны

Я попросил «сепаратиста» Серегу помочь мне найти брата. Он сказал, что есть три варианта: «...лежит в морге неопознанный, пленный или в полях прикопан своими. Тех, которые в полях, вообще неизвестно, как искать, если попал в Донецкий аэропорт и погиб, то там таких сотни, их не увозят или не могут найти в развалинах. Короче, надо ехать искать среди пленных или в моргах. Подумаем... Поехали домой, там Таня ждет с ужином».

Вечером к Сереге обратились за помощью:

— «Кот», дорогой, помоги, машины с гуманитаркой на посту у «Чеха» стоят. Он же твой?

Иногда случались спорные ситуации между различными группами ополченцев по поводу прохождения техники и грузов через подконтрольные им блокпосты. Сереге позвонила женщина, которая отвечала за обеспечение гуманитарной помощью детских домов, больниц и тюрем, тоже оказавшихся в обездоленном положении.

— Утром с машинами разберемся. У тебя ж пленные на базе есть. Возьми человека с собой, он ищет брата среди них.

Утром мы встретились на посту у «Чеха». Так я познакомился с «Ялтой»: молодая, рослая, красивая женщина с низким севшим голосом и волшебной улыбкой. Зеленый камуфляж не мог скрыть прекрасную фигуру, которая заставляла замолкать и взволнованно оборачиваться всех мужчин. Ее очень уважали за прямоту и бескорыстность. Раньше она была Шухминой Настей, учителем русской литературы в Луганске, дома мама и сын, муж погиб под поселком Счастье.

Благодаря доброжелательным действиям Сереги инцидент с машинами для «Ялты» был разрешен. Блокпост «Чеха» находился в зоне обстрела со стороны Никишино, но расположение за горкой прикрывало его от снарядов артиллерии. Нехитрое оборудование для быта: кунг-бытовка, армейская палатка, флаги — со Спассом и Новороссии. В «оружейке» топится печь-буржуйка с закопченным чайником, нарезано сальцо, спит пятнистый серый кот, потерявший где-то хвост. Нас радуш-

но приняли, угостили водкой, мы выпили, обсудили недоразумение, посмеялись и распрощались.

Меня взяла к себе «Ялта», и мы поехали вслед за ее спасенными машинами. Ехали через многочисленные блокпосты, старые шахты с гигантскими курганами, через поля вдоль посадок изувеченных войной тополей, через ободранные горняцкие поселки, построенные в эпоху развитого социализма. Обветшание тотальное. Снегом прикрыло окопы, блиндажи, воронки и могилы. Вокруг остатки украинских лагерей: окопчики, изодранные пленочные навесы, мусор, ржавые железяки и пулеметные гнезда из мешков с углем, высыпавшимся в лохмотья простреленных дыр. Фронт и теперь недалеко, где-то глухо бахает, как в новогоднюю ночь хлопушки в соседних дворах.

— Почему твой позывной «Ялта»? — спросил я.

— У нас с мужем лодка «Ялта» стоит в Балаклаве, мы с ним обошли под парусом все Черное море по кругу. Прости, сейчас будет километра два плохих, снайпер часто работает, наши минометчики все пытаются ее накрыть. Но пока никак.

— Ее?! — спросил я.

— Позывной «Чурай», в Интернете выкладывала фотографии с мужем, они вместе воюют. Красивая девка, гадина. Два водителя моих здесь погибли, везли продукты в детдом.

Приехали на базу к «Ялте»: это серые бетонные цеха бывших ремонтных мастерских на краю опустевшего поселка. Ворота на территорию открыли люди с автоматами и в камуфляже. На базе жили два десятка пленных украинцев. Они разбирали завалы после обстрелов, помогали ровнять и сваривать искореженные газовые трубы, чинили водопровод, школу, больницу.

— Где наши «укропчики»? — обратилась «Ялта» к одному из встречающих нас ополченцев.

— Токо пришли с работы, едят.

— Пусть поедят, и на разгрузку, машинам надо обратно.

Мы зашли в бетонный бокс, пахло соляжкой и печной копотью. Было прохладно и тускло. В углу на сколоченных нарах сидели люди и молча ели что-то из мисок. Крепкий седой мужчина в возрасте отложил свою миску, подошел к нам и обратился к «Ялте»:

— Доброго здоровячка. У нас Захару дужэ плохо, мий кум. Трэба врача.

— Утром приедет к нашим, я просила в комендатуре, и его посмотрит. Иваныч, поговори с человеком, он среди ваших брата ищет, с ним можно откровенно.

— Слушаю вас, — тихо обратился ко мне Иваныч. У него были очень добрые и усталые глаза.

— Вы поешьте, потом поговорим, хорошо? — сказал я и вышел из бокса на улицу. Я проникся сразу к этому человеку, не могу и не хочу верить, что он убивал. Не могу воспринимать эту дикость.

На базе бегали собаки: они виляли хвостами, кланялись и возбужденно тявкали. Двор — каша из угольного снега и промасленной черной земли. Я сел на перевернутую старую стиральную машину, лежавшую возле кучи другого хлама. Пленные неспешно вышли на разгрузку машин. Собаки, поскуливая и зевая, крутились возле меня. Подошел Иваныч, спросил закурить, у меня не было.

— Иваныч, у меня брат из ваших, пропал. Последний звонок в начале ноября изпод аэропорта. Я из Москвы, я не следователь. Мне брата надо найти, поговори со своими, а я тебе помогу, чем смогу.

— Добре. Утром. Шо в Москве?

— Тихо.

— Хвала Богу, где-то тихо. Прошу звонять, я пойду.

На базе из ополченцев оставался на ночь только дежурный патруль. Мы поехали с «Ялтой» и тремя ополченцами на ночевку в поселок. На улице была темень, лаяли собаки, иногда где-то далеко громыхала артиллерия. Фонарь горел только над покрашенным золотой краской памятником Ленину. Из плеч торчала арматура, вождь мирового пролетариата на этой войне совсем лишился головы. Вечерняя жизнь поселка собиралась под этим монументом. Когда мы подъехали, о чем-то оживленно говорили две бабушки и очень нетрезвый дядя. Увидев «Ялту», они пошли к ней навстречу и «взяли ее в плен». Что, когда, почему? Вопросы были о гуманитарной помощи. Бабушки были напористые и бодрые, дядя рассеянно поддакивал. «Ялта» говорит с ними из последних сил, кивая головой, вяло улыбаясь и пытаясь проститься.

Быт ополченцев нехитрый, в опустевшей хате они прибрались, как смогли, и организовали маленькое общежитие. Засыпали в печку угля, вскипятили чайник. На ужин был сладкий чай, сухой белый хлеб с салом и порезанным на дольки яблоком. «Ялта» занимала отдельную маленькую комнату, остальные расположились на матрасах, наваленных в общей «зале» под выцветшими иконами и портретами безымянных хозяев хаты, уехавших от войны.

Утром мы позавтракали так же, как поужинали, и вернулись на базу. «Ялта» распределила пленных по работам, пять человек оставались на складе фасовать приехавшую «гуманитарку». Конфеты, сделанные на фабрике украинского президента, Иваныч раскладывал в подарочные пакеты для детского праздника.

— Доброе утро, Иваныч, поговорил?

— Добрэ, добрэ, — произнес он глухо и тихо, не поднимая головы и продолжая свою работу. — Хлопци ничего нэ скажуть, скоро обмен, поедем до дому. Хлопци бояться.

— Не знаю, где искать. Ты откуда, Иваныч?

— Я з Почаева. Тоби волонтеры нужны, воны бувають везде. Багато знають. А може, в мори надо.

— Я могу тебе помочь?

— Захар помэр утром.

Донецк

Мы прощались с «Ялтой».

— Настя, прошу тебя, узнай по своим: Слава Истомин, на плече парашюты, сорок лет, может, кто-то знает. Если доберусь до дома, организую вам помощь.

— Я постараюсь, езжайте с Богом.

Тело Захара затащили в кузов военного грузовика, и мы с водителем повезли его в донецкий морг. Водитель, ополченец с позывным «Салют», всю дорогу что-то рассказывал. Про родную Горловку, про техникум, жену, тестя, начало обстрелов, как снаряд попал в квартиру под ним, там погибла вся семья. «Меня в аэропорту подстрелили, веришь, песню ору! Меня пацаны потащили, а я в шоке песню ору, они кричат: „Заткнись!“, а я ору. Потом оказалось, что в живых только мы остались, я и двое, которые меня тащили, остальных накрыло минами через пять минут».

В Донецке мы оказались в «плохой» день: рано утром группа диверсантов въехала в город на мусоровозах, в контейнерах находились минометы. До сих пор мусоровозы не осматривали на блокпостах, и этот остроумный и бесчеловечный план сработал.

Диверсанты изнутри обстреляли несколько районов города. «Качественнее» всего им удалась стрельба в микрорайоне Боссе, там погибло пятнадцать человек в троллейбусе, трамвае, на остановке и в кафе, пострадали дома и магазины. Террористов искали всем городом, на перекрестках появились мобильные пикеты ополченцев, проверяющих документы и машины. К полудню часть вражеских машин была найдена. Глухая канонада доносилась из воюющего пригорода, там шел интенсивный бой. Жилые поселки вокруг аэропорта на километры стоят пустыми и разрушенными, ветер гуляет в некогда богатых домах. Районы города, которые в зоне досягаемости артиллерийских обстрелов живут с заколоченными фанерой витринами и окнами, сгоревшими магазинами и обложенными мешками с песком заправочными станциями.

Через пикеты ополченцев мы пробирались к донецкому моргу. Он оказался недалеко от места утреннего теракта, и мы невольно стали свидетелями последствий атаки диверсантов. Изувеченная техника в крови, полностью выбитые стекла в огромных домах, сгоревшие машины, журналисты, снимающие репортаж, и военный корреспондент-англичанин, беседующий с очевидцами и сотрудниками ОБСЕ, которые что-то измеряют рулетками.

В морге мы выгрузили Захара, «Салют» уехал. Ополченец «Купидон» был прикомандирован к моргу, он разбирался с поступающими военными. Я объяснил, что ищу украинского солдата средних лет с татуировкой парашюта и крыльев на руке.

— Жди, — сказал «Купидон» и объяснил, что сейчас везут из Боссе гражданских. — Приходи после двух, пока никак: твоего искать надо, перерывать целую кучу. Водки себе возьми.

Он был прав, водка пригодилась, и перерывать целую кучу пришлось. Опыта такого в моей жизни раньше не было, опыт жуткий. Там находились тела разной сохранности, в зависимости от того, сколько они пролежали на месте гибели. Некоторых нельзя было опознать вовсе, уже даже не тело. Были неопознанные солдаты и украинские, и ополченцы, и гражданские. Хлопцы всех возрастов и комплекции, были и очень молоденькие, и грузные.

— Почему их не забирают? — спросил я.

— Тем они уже не нужны, только волонтеры приезжают. Наших, если опознали, хоронят или отвозят домой, а остальных через время на военное кладбище и там с почестями. Недавно «Кот» своих двух забирал, они под Саур-Могилой хоронят.

Я вышел из морга на воздух пьяный и одуревший, я не был готов ко всему увиденному. Вышел и «Купидон», закурил. Три дня я ездил по моргам Донецка, Горловки, Енакиева, Шахтерска, Макеевки и Луганска, брата не нашел.

Дальше

Где-то мне дали телефон украинского волонтера Красного Креста Зои Тарасовны Богудар. Она занималась формированием списков для обмена пленными, перевозила на родину мертвых солдат украинских и донецких, эвакуировала детей из зон обстрела. Зоя Тарасовна посоветовала связаться с отцом Владимиром из Горловки, который постоянно ездил через линию фронта. Он поможет мне приехать к ней в Краматорск искать брата в их списках и моргах.

Ситуация на фронте разделила Донецкую епархию пополам, и священникам приходилось постоянно пересекать линию противостояния для служения в дальних приходах. Со временем это становилось все сложнее, украинские военные недолюбливали «путинских попов», как они выражались. Отец Владимир научил меня

науке пересечения линии фронта, искусству беседы с бдительными гайдамаками, покормил и благословил «на дорожку».

Небольшая автостанция в Донецке, откуда отъезжают междугородные маршрутки, вчера была обстреляна артиллерией. Несколько растерзанных палаток, раскоряченный тополь и сгоревший остов такси как памятка войны среди мирно ожидающих отправления автобусов и пассажиров.

Бабушки разложили на коробках скромные товары своей торговли: остывшие пироги с картошкой, буряк, чеснок, кусочки сала, завернутые в целлофан, тертый хрен и прочие домашние консервации в баночках. Рядом бегали неприкаянные собаки, заискивающе глядя на людей, намекая на возможность покупки дивных пирожков и получение своей доли в виде тестового хвостика за прекрасную подсказку.

Автобус тронулся, проезжаем поселки и города, которые срастаются между собой, образуя бесконечную вереницу населенных пунктов. Периодически автобус останавливается на блокпостах, заходит ополченец, проверяет документы либо указывает безопасный объезд вокруг зоны ночного обстрела.

Два года назад здесь проходил чемпионат Европы по футболу, были построены прекрасные дороги, развязки, мосты и аэропорты. Все пошло прахом, перепаханно артиллерией и расстреляно танками, они ездили поперек металлических дорожных отбойников и ограждений, дорожных знаков и остановок, как бы не замечая их в своем стремлении все поломать и разрушить.

Автобус прибыл на границу. Последний блокпост Донецкой Республики укреплен и обустроен очень тщательно. Бетонные блоки, мешки с углем вокруг пулеметных гнезд, окопы, блиндажи, жилые кунги, армейские палатки и, конечно же, флаги. Проверяющий документы ополченец полистал мой российский паспорт, внимательно меня рассмотрел и спросил, точно ли мне туда надо? Потом поднял брови, отдал паспорт и тихо произнес: «Ну, ну... Удачи».

Приехали

Почему-то я был спокоен. Видимо, реальность происходящего так абсурдна и нелепа, что ты не можешь в нее поверить. Как будто ты попал в фантастическое кино, где в конце сценаристы красиво разрулят сюжет и все будет хорошо. Но на деле сценаристы отвлеклись и забыли эту пьесу, а действующие лица, как оборотни, превращаются в диких зверей. Моя соседка в автобусе — бабушка, которая ехала переоформлять пенсию, — рассказывала, как летом из такого же автобуса, в Амвросиевке, вывели пассажиров для проверки. У двух парней в сумке нашлись георгиевские ленточки, солдаты отвели ребят в лесопосадку и расстреляли, а после фотографировались над ними, позируя с оружием и обнимаясь с сослуживцами.

Мы проехали нейтральную зону и остановились на украинском блокпосту. Пассажиры начали заметно волноваться и переглядываться. Солдат попросил всех выйти из автобуса для проверки документов и вещей. Все молча и покорно выстроились вдоль автобуса со своими сумками. Началась неторопливая процедура проверки граждан и содержимого их багажа. Отдельный интерес представляли мужчины: их осматривали на предмет наличия характерных следов боевых действий — мозоли от стрелкового оружия на пальцах и ладонях, автоматного ремня на плечах и так далее. Я был совсем замечательным поводом для экспертизы: мужчина средних лет, российский паспорт, место рождения Полтава, въехал на Украину че-

рез неподконтрольную Киеву территорию и неизвестно, что там делал. Молодой солдат, проверявший меня, сразу понял, что со мной случай особый, и отвел меня к командиру со словами, обращенными к водителю автобуса:

— Езжай, этого не жди.

В большой армейской палатке докрасна раскалилась печка-буржуйка, было тускло и тихо.

— Семеныч! — прошептал солдат в пустоту.

Ответа не было.

— Семеныч! — еще раз попытался он.

— Шо? — глухо буркнул кто-то из-под одеяла, которое заворочалось в углу.

— Россиянин какой-то, шо с ним делать? — спросил солдатик.

— В «Шинок», до вечера, — проговорил тихо Семеныч и перевернулся с боку на бок.

— Выкладывай сюда все, — сказал мне солдатик, я достал все из карманов и рюкзака.

— Пошли, — сказал мой конвоир и взял со стола ключик со шнурком.

«Шинком» называли пункт временного содержания для непонятных лиц, располагался он в израненной кирпичной будке смотрителя, возле разбитого железнодорожного переезда. Там уже содержались какие-то личности, и они очень хотели пообщаться с солдатом, но дверь хлопнула за мною, и все сидельцы остались в темноте и без ответа.

Было темно, прохладно, пахло туалетом и плесенью. В темноте я услышал два голоса. Один, печальный, тяжело вздохнул; другой, раздраженный, громко выругался. Я прислонился к стене, покрытой крупными сухими хлопьями облезающей краски. Ко мне подошел обладатель раздраженного голоса и спросил:

— Шо там?

Я ответил:

— Надо ждать.

— Шо ждать, шо ждать, скоко можно ждать?! — разразился гневом голос, и какое-то время сыпал густой бранью, расхаживая по нашей камере. Время тянулось, ничего не происходило. Мои сокамерники пытались меня разговорить и что-либо выведать о моем прошлом и нашем с ними будущем. Я молчал. Настроения общаться не было, я сполз по стене, сел на корточки и затаился.

Ноги затекали, приходилось их разминать и растирать. Очень долго ничего не происходило, время меняет в заточении обычный свой порядок и надолго пропадает. За дверью послышались два голоса, потом бряцанье замка, и дверь открылась. Не заходя в «Шинок», открывший дверь солдат заглянул и назвал мою фамилию, я откликнулся и вышел к нему. Здесь же стоял еще один. Солдат запер за мною дверь.

— Э, а мы! — заорал раздраженный голос из «Шинка», и дальше последовала очередь нецензурной лексики.

На улице стемнело, было свежо и прекрасно. Ноги не очень слушались, спина задубела, я поковылял по тропинке к блокпосту, как на ходулях, слегка согнувшись. В палатке, где спал Семеныч днем, было много народу, накурено, натоплено и шумно. Слева от входа лежал на носилках человек с забинтованной головой, укрытый армейским бушлатом. За столом под лампочкой сидели солдаты, что-то горячо обсуждали, спорили громко и грубо. На столе были бутылки, еда и переполненные окурками консервные банки. Я вышел на свет лампочки из полумрака. Присутствующие обернулись и уставились на меня с недобрый прищуром. Сидящий на кровати Семеныча заговорил.

— Откуда и куда едешь? — спросил он спокойно и четко, держа в руках мой паспорт.

— Ищу брата, он воевал в подразделении «Миргород». Последний раз он говорил с женой из-под аэропорта в ноябре. В донецких моргах я его не нашел, еду в Краматорск, к Зое Богудар.

— Где границу пересек?

— В Ростове, как называется место, не помню.

— Не помню, — раздраженно сказал мой собеседник. — Там два взвода моих хлопцев осталось в поле. С кем из «колорадов» общался в Донецке?

— Я приехал к бабушке Владимиру в Горловку, он помогал, — произнес я версией, заготовленную отцом Владимиром.

— Это какой, старый и маленький?

— Это который в Константиновку ездит? — подключился к разговору еще один боец.

— В возрасте, роста маленького: он, наверное, — сказал я.

— Что «наверное», что «наверное», ты шо, не помнишь, тебя спрашивают — отвечай, а то ты сейчас быстро у меня все вспомнишь, москаль! — вдруг заорал на меня третий.

— Жека, хорош, дай поговорить, — вмешался первый. — Где живешь?

— В Москве.

— Короче, красавец, мне с тобой некогда разбираться, пусть тебя СБУ пробирует. Мы сейчас сменяемся, поедешь с нами, в Краматорске сдам тебя «особистам». Хромой! — крикнул он, в палатку сунул голову боец, проверявший меня утром. — Собери его шмотье. На, паспорт его туда же кинь. В кузов его, с нами поедет. Приглядывай за ним. О, пусть пацанов грузить поможет.

Разобрались солдатики со мной оперативно и продолжили ротацию со своими сменщиками с разливания водки по кружкам. Я пошел с Хромым к другой палатке, в ней лежали два мертвых солдата, мы их погрузили в кузов «Урала» и пошли в теплушку дожидаться отъезда. Я скукожился в углу и постарался прикорнуть. Было накурено дико, солдаты пили и гоготали, рассказывали друг другу истории о военной удали и недостойности противной стороны. Я ужасно устал, день в «Шинке» высосал меня, и я попытался затеряться, посидеть и поспать в тепле на окраине этого мира.

Спал я пять минут или пять часов, не знаю. Картинки, гуляющие от реальности до сновидений, от бреда и ужаса до счастья, что этот бред и ужас был сном... Прекрасная голубая гладь, штиль, паруса висят, ветра нет. Идет гроза с гор. Где-то тихо бухнуло. Вспышка и грохот. Повсюду громко, взрывы, оглушительные взрывы. Рядом стало долбить что-то, потом вспышка, еще, еще. А-а-а-а, больно, больно, больно.

Почему-то ледяной воздух, я упал в грязную кашу, замерзли пальцы, болят пальцы. Огонь рядом. Сильно горит. Я пополз от огня, встал и пошел чуть быстрее, побежал. Взрыв. Я упал и оглох, в голове дико стучал пульс, почему-то Утесов пел: «...разгорелся наш утюг...»

Счастливчик

Белое перед глазами. Халат, склонившийся надо мной. Пуговица. Золотой крестик на цепочке качается, разрез женских грудей, пленительной воронкой уходящий в халат. Трогаю.

— О, цэй жить будэ! — произнес женский голос в небесах и засмеялся, потом тишина.

Просыпаюсь, горит тело, больно... Через два дня было так же плохо, но я уже мог различать явь. Медленно я привыкал к новой реальности. Госпиталь. Больше

ничего не понимаю. Женщина очень добрая, колет что-то, когда я ору сильно. Плохо пахнет. Женщина сказала:

— Обезболивающих мало, не ори.

Слюна льется на подушку, когда тяжело глотать, на боку плохо, на спине больше не могу. Лежу на животе, все хорошо, но стреляет по спине.... Невыносимо.

Через неделю спала температура, я начал чего-то соображать, Где я? Почему так плохо пахнет?

— Ксюша, Ксюша! — стонали все.

Оказалось, что я под Краматорском, в районной больнице. Как я здесь оказался, никто не знает, привезли из зоны АТО, и все. Кого привезли со мной, тоже никто не знает. Мои документы, телефон и мои вещи сгнили. Рядом со мной лежал парень с забинтованным лицом, только рот был виден из-под бинтов. Через два дня он умер, и его унесли, на его койку положили старика с переломанной ногой из села неподалеку. Дедушка был очень разговорчивый и рассказывал без конца совершенно ненужные мне подробности своей жизни. Временами мне хотелось чем-то хлопнуть по его говорящей голове. Не имея такой возможности, я прятался под одеяло и вспоминал мультики, кино и стихи. Большим утешением и отрадой была медсестра Ксюша. Ей было под сорок. Имея выдающиеся формы тела, не совсем помещавшиеся в больничные халат, она радовала мужчин своим появлением в палате. Веселые разговоры и слегка пошлые шутки в свой адрес она воспринимала с благосклонным кокетством и считала их частью терапевтического арсенала медсестер.

Я попросил Ксюшу разыскать Зою Тарасовну Богудар и сообщить обо мне.

— Тарасовну?! — воскликнула Ксюша. — Так вона тильки вчора приїжджала, привозила ранених!

Выяснилось, что Тарасовну знает пол-Украины: она, как Доктор Лиза, прославилась своей неугомонной и бескорыстной помощью всем нуждающимся. Слава богу, я нашелся, Ксюша сообщила Тарасовне, она — отцу Владимиру в Горловку, а он — моим близким в Москву.

Главврач сказал, что ранение мое было болезненным, но не опасным для жизни. Лежать мне осталось неделю, потом тихонько, короткими перебежками надо разгуливаться. Я был настроен весело, ходил в больничном коридоре, придерживаясь стены, чуть сутулясь и прихрамывая. Я шел мимо операционной с запахами нашатырного спирта и мази Вишневецкого, мимо туалетов с запахом табачного дыма и хлорки, мимо кухни с запахами горохового супа. В конце длинного тусклого коридора я подходил к окошку с приоткрытой форточкой, смотрел на почти весеннюю погоду, вдыхал ее свежесть и разворачивался обратно.

Когда оставалось два дня до выписки, ко мне пришел Василий Данилыч Шлык из Службы безопасности Украины и беседовал со мной три часа. Он попросил подробно описать мою биографию, перечислить родственников, живущих на Украине, детально рассказать об обстоятельствах пребывания на территории, «временно контролируемой сепаратистами», а также об обстоятельствах ранения и потери документов. Исключая некоторых знакомых на Донбассе, в своей «объяснительной» я поведал следователю все честно и подробно, поскольку не чувствовал за собой никаких прегрешений перед Украиной. Василий Данилыч сказал, что мне необходимо явиться к нему после выписки из больницы, а он уже сегодня отдаст мои данные на проверку. Прощаясь, он улыбался, обещал помочь со справкой об утере паспорта и называл меня «счастливчиком».

Я наивно полагал, что во время военных действий можно легко и просто доказать свою непричастность к противной стороне. Все оказалось сложнее. Появившись

в кабинете у следователя Шлыка, я узнал, что наводчиком для обстрела артиллерией «сепаратистов» блокпоста являюсь я, и мне придется признаться в этом либо по-хорошему, либо по-плохому. Мои доводы, что у меня при себе ничего не было и весь день я просидел в «Шинке», следователь не слышал. Той ночью оба блокпоста друг друга уничтожили, жертв было много, я один из немногих уцелевших, и все указывает на мое участие в качестве наводчика.

— Александр, посуди сам. На этом участке постреливали понемногу, а ты появился, и тут же из пушек обстреляли. Ну?! — строил логическую цепочку следователь.

— Я приехал на этот блокпост утром, меня задержали и посадили под замок. Вечером меня должны были отвезти в Краматорск и передать в СБУ. Пока шла смена подразделений, начался обстрел. Я спал.

— За шо передать в СБУ?

— Для проверки, кто я такой.

— О, хлопцам, значит, ты тоже показался подозрительным. Царство им Божие. Александр, не ломайся, у меня дел по горло с вашими... — по-доброму уговаривал меня Шлык.

— Я ни при чем, ехал искать брата, хочу связаться с российским посольством, — пробормотал я.

— Какое посольство?! Подонок, там хлопцев поубивало, ты расскажешь мне, с какой ты части, и где стоите, и кто командир. Сволочь, кто в Харькове тебя должен встретить?! — проорал багровый следователь. Он орал долго. Я молчал, говорить было мне нечего. — Завтра тебя будут бить, готовься! — закончил свой допрос Шлык и приказал увести меня в подвал.

В подвале было сухо, чисто и тихо. Меня завели в небольшое помещение без окна, свет проникал из коридора через зарешеченную фрамугу над дверью. В камере уже сидел один квартирант, молодой парень в камуфляжной форме и в берцах без шнурков. Я прилег на пол в углу и закрыл глаза. Сокамерник заговорил со мной:

— Слышь, тебя как зовут? Эй, спишь? Ты у какого следователя? Эй, слышь!

Я не подавал признаков бодрствования, дико болела спина, все, чего мне хотелось, это оказаться в палате у Ксюши и любоваться лежа, как она надо мной подвешивает капельницу. Подальше от этого бреда! Но, кажется, Василий Данилыч очень меня полюбил и просто так расстаться со мной не захочет.

На следующий день не били, повторился такой же безрезультатный допрос. Есть не давали, попить можно было в туалете из-под крана, когда дежурный скалится и ответит в уборную. Мало-помалу пришлось общаться с моим сокамерником, звали его Костя. Он обвинялся в дезертирстве, и скоро его собирались судить. Он командовал небольшим подразделением и, будучи сугубо мирным человеком, старался уводить своих солдат от крупных боевых столкновений. С командиром «сепаратистов» с позывным «Сапер», отряд которого стоял напротив, он договорился не стрелять без большой нужды.

— Ты понимаешь, там такие же хлопцы. У меня в роте народ гражданский, им эта война до лампочки. Они домой звонят, чуть не плачут. Никому она не нужна, кроме шоколадников в Киеве.

Как-то ночью «Сапер» вызвал Костю на разговор в лощинку между их блокпостами и сообщил, что подтянулась артиллерия.

— Спасибо, брат. Прощай. — И я отвел тихо своих...

Утром артиллерия ДНР уничтожила блокпост противника, расчищая дорогу для наступления. Через день украинские войска отбили обратно эту территорию. Людей своих Костя спас, но командование назвало его действия предательским отступлением. Я рассказал про брата. Он сказал, что подразделение «Миргород» стояло

южнее их, но потом их отправили куда-то за Енакиево, он прекрасно знал их командира Вовку с позывным «Подол».

Через три дня дали поесть, Костю увели, и он больше не вернулся, а ко мне подселили двоих: один гражданский, другой с перебинтованной ладонью в камуфляже. На допрос меня не вызывали. Признаться, я потерял счет времени. Отмечал, что меняются дежурные в карауле, но как долго это длится, уже не понимал. Безвозвратно увели военного, подселили на следующий день двух азербайджанцев, что-то не то они везли через границу. Я не понимал, что меня ждет, перестал об этом думать, просто слушал бесконечные истории этой войны и ходил по камере, как рекомендовал доктор, «короткими перебежками».

Было утро, караул сменился. В коридоре лязгали замочки, шаркали каблучки и гулко бухтело эхо разговоров охраны. Наша дверь отворилась, и караульный пригласил меня на выход, отвели в кабинет следователя. В окно било яркое солнце, я сидел на стуле в центре комнаты, охранник стоял у дверей, следователя не было. Вошел какой-то солидный господин с девушкой.

— Ваш? — спросил господин, указывая на меня.

— Мой, ура! Слава богу, нашелся, — ответила незнакомая девушка.

Я следил за этим абсурдом молча, боясь помешать процессу присвоения моей персоны девушкой.

— Забирайте своего «счастливчика».

Я где-то расписался, получил справку об утере паспорта на бланке с трезубцем, пожелал удачи своему освободителю и направился к выходу. Прекрасная незнакомка взяла меня под руку и, сияя от счастья, повела по коридору на свободу!

Тарасовна

Зоя Тарасовна Богудар оказалась молодой женщиной маленького роста, сухонького телосложения, с темно-рыжими короткими волосами, ослепительно голубыми глазами и веснушками по всему лицу. Она была в джинсах с дырчатыми колготками, в черной майке с огромным красным языком эмблемы «Роллинг стоунз», в кедах и длинном замшевом пальто с капюшоном. Она говорила с необычайной скоростью и много, высоким голосом с очень детской интонацией.

— Сперва кушать, кушать, кушать, вы же хотите кушать, сейчас покушаем... — говорила она и вела меня под руку.

Я ошалел от прекрасной перемены обстоятельств моей жизни и не сказал еще ни слова, боясь проснуться и спугнуть эту фею.

Мы оказались в маленьком кафе «Водолей» в центре города, где по-королевски трапезничали жареной картошкой и пивом. Это было прекрасно, это самое вкусное, о чем я мог мечтать, но не смел. От двух глотков я слегка захмелел и долго-долго слушал Зою. Оказалось, что это ее бригада разыскала меня среди каши, в которую превратился блокпост. Оказывается, взрывом меня кинуло в какой-то окоп, сверху упал столб с торчащей арматурой, и рядом взорвались боеприпасы, выжил я чудом. Помимо меня, уцелели один новобранец и два запертых в «Шинок» счастливых контрабандиста. Потом Зоя уезжала в Луганск, потом вывозила детей из Дебальцева, потом узнала, что ко мне приходили из СБУ и я пропал. В Киеве ей пришлось поговорить на мой счет с большими начальниками следователя Шлыка, и ему с болью в сердце пришлось меня отпустить.

Зоя рассказала, что родилась она в Крыму, в семье офицера. Училась в Питере на археолога, ее муж — архитектор из Архангельска, воюет за ополченцев под Луган-

ском. Брат живет в Киеве, учился на юриста, с лета воюет в подразделении «Днепр» за Украину. И муж, и брат были ранены по разу, оба ненавидят друг друга. В Питере сдается квартира, и на эти деньги она живет. Ее фонду многие помогают и на Украине, и на Донбассе. Привозят вещи и продукты для беженцев, помогают лекарствами и транспортом. Она пожертвовала мне немного денег на приобретение средств личной гигиены и нового белья, отвела в пустое общежитие Горного техникума и дала два часа на приведение себя в порядок. Еда, теплый душ, почищенные зубы и чистая маечка — это блаженство! Я рухнул на кровать и отключился.

Стук в дверь и крик «Пора ехать, подъем, подъем, пора!» меня разбудили, мы пошли к Зое в офис. Сводчатый низкий подвал старого дома, на двери табличка с красным крестом. Почти все пространство подвала было забито вещами, коробками, мешками и стеллажами с упаковками чего-то. Между всем этим благотворительным богатством существовали проходы в виде армейских окопов. Дорожки вели к столам с компьютерами и горами бумаг и папок.

— Не хватает рук, помощники то есть, то убежали, ничего не успеваем, — сказала Зоя, оправдываясь. — Найди себе стул и подсаживайся к моему столу.

Она раскопала три большие подшивки бумаг, разгребла немного стол и сказала, что это картотека отрывочных данных по раненым, убитым и пленным, там есть либо фамилии солдат, либо описание трупа. Сведения эти случайные, собираются нерегулярно и только сотрудниками ее фонда; имеются ли подобные записи в других волонтерских организациях, она не знает. Я изучал эти папки долго, фотографии обезображенных трупов, отдельных фрагментов тел, татуировок, фамилии или позывные мертвых и пленных, записанные с чьих-то слов. Брата среди этих списков не было.

Зое сообщили знакомые офицеры из штаба, что сейчас подразделение «Миргород» стоит под Никишино, это южнее Дебальцева. Командир подразделения «Подол» погиб две недели назад. Обстановка там плохая, стягивается техника, и будет «заваруха».

— Надо подумать. Слушай, пошли тусить. Здесь есть местный бомонд из журналистов и краматорской «золотой молодежи», отметим твое освобождение! Пошли! — устало произнесла Зоя Тарасовна, потом потянулась, театрально ободрилась и достала из-под стола коньяк в картонной коробке — подарок от «сепаратистов». Когда год назад в администрацию вломился народ, нашли там целый склад элитного алкоголя, недопитого прежним мэром. Ну! Вперед!

Пятая колонна

Мы опять отправились в чудо-кафе «Водолей». По дороге Зоя рассказывала о последней довоенной археологической экспедиции в Керчь, древний Понтикапей. Они ездили туда с мужем, братом и его девушкой, работали на раскопках, а вечером пили вино с вяленой камбалой, купались голышом в море и были счастливы. Потом они в Коктебеле жили на даче московских друзей, которых, как выяснилось, я хорошо знаю. На Ай-Петри они провели неделю в лагере у расслабленных «по жизни» крымских романтиков и художников. Автостопом добрались до Бахчисарая и сняли домик у старой татарской бабушки возле горного монастыря. Наше последнее мирное лето...

Мы вышли на площадь перед кафе: много людей, шум, гам, украинские флаги. Здесь же Зоя увидела своих знакомых телевизионщиков с камерами, мы пошли к ним.

— Привет, пропаганда! — бодро приветствовала Зоя.

— О-о-о! Привет, Тараска! — молодой парень с камерой и в жилете «Пресса» обнял Зою.

— Шо вы?

— Мерзнем. Ждем митинга против мобилизации или за нее.

— Класс! Пошли в кафе, согреемся по глоточку, — потерлась плечом в плечо с оператором Зоя.

— Саша, — протянул я парню руку.

— Влад, — ответил тот и пожал мою руку. — Для друзей, а в титрах Владислав Дмитриевич Байда, — и, ответно толкнув Зою плечом, предложил никуда не ходить, а согреться прямо из горлышка, прямо здесь и немедленно. Зоя, шмыгая красным носом, сказала: «Давай!»

Мы разговорились, и вдруг выяснилось, что Влад завтра едет снимать репортаж в Дебальцево и Угледорск. Я взмолился взять меня с собой, он радостно согласился, и мы отметили совпадение географической цели пригублением трофейного зелья революции.

На площади митинговали украинские патриоты, размахивая флагами и выкрикивая хором речевки. В основном это были молодые парни и девушки, бодро и весело проводившие время. Не могу не отметить руководящей роли их старших товарищей — видимо, педагогов. Особенно старательно «вожатые» раздували пламя активности у подмерзших юнцов, когда к их группе приближалась камера Влада. Как человек, достаточно поживший при советской власти, я за версту вижу нехитрые приемы управления народным единством. В свое время нас снимали с уроков в школе, чтобы мы всенародно постояли вдоль Ленинского проспекта и единодушно поприветствовали Леонида Ильича, проезжающего с гостем из аэропорта.

За происходящим наблюдало некоторое количество накачанных мужчин в камуфляжной одежде с нашивками «Правый сектор» и работники милиции, стоявшие неподалеку. Не могу сказать, что все это мероприятие имело грандиозный размах, на мини-майdan это не тянуло, но выглядело вполне пестро и шумно.

Параллельно с этой акцией стихийно митинговали женщины, не желающие продолжения войны на Донбассе и мобилизации их мужчин. Женщины, в основном возраста старше «бальзаковского», и бабушки, одеты обычно для рабочих городков. Они держались вместе, но вели себя совсем неорганизованно и пылко. Их целью был городской военкомат и его руководитель. Когда офицер нерешительно вышел к ним, началась словесная перепалка о судьбе мужчин и Отечества. Офицер, конечно же, не мог противостоять ни физически, ни идеологически женщинам, у которых собираются отобрать и, возможно, убить самое дорогое. Несознательные женщины наотрез отказывались понимать великий смысл войны против таких же, как они, шахтеров из соседнего города. Военкому пришлось туго, эти женщины видели не только официальные репортажи из Киева, но и бомбардировщики из Киева над Краматорском.

Офицер удалился, и митингующие женщины, отходя от военкомата, неминуемо приближались к толпе с желто-голубыми флагами. В столкновение это не переросло, однако гигантский полемический костер запылал по всей площади. Я внимательно слушал всех говоривших и убедился, что никто из них не нуждается в том, чтобы его услышали. Они все просто говорят, все абсолютно убеждены в своей правоте, и никто не слышит никого. Они испытывают друг к другу только издевательское и хамское пренебрежение. «Патриоты» нападали и обзывали женщин грязными ругательствами и обвешивали их ужасными ярлыками, те отбивались нелогичными, но очень эмоциональными аргументами. После долгой бата-

лии случился перелом в битве оскорблений, одну из женщин язвительно и брезгливо назвали «пятой колонной», она опешила от такого и поинтересовалась: «А шо это?». Ее противник не смог с ходу объяснить сути обидного заявления и смутился, копаясь в багаже своих слов. Дамы воспользовались этим роковым замешательством и перешли в контрнаступление, мстя за поруганную репутацию. Сбившись с победной ноты, «патриот» попятился и был атакован со всех сторон антивоенной коалицией.

В толпе несложно было увидеть совершенно одинаковых, я бы сказал, клонированных мужчин. Они крепкие, выше среднего роста, у них темное пальто и кепка с мехом или начесом. Мужчины находились в самой гуще событий, но не вмешивались: они молчали и очень внимательно слушали и следили за всеми. Один из таких «незаметных» оказался мой «дружище», следователь Службы безопасности Украины Шлык. Мы чуть не столкнулись с ним в толпе, он меня не видел, я спрятался за камеру Влада. Не желая омрачать день своего освобождения новой встречей с правосудием, я предпочел удалиться. Поиски истины на площади продолжались до вечера, потом все опустошенно разошлось по домам, исчерпав силы во взаимной ненависти и бессмысленных проклятиях.

Юлия Сергеевна

Утром мы простились с Зоей Богудар и разъехались: она — в Донецк, обменивать пленных, а мы с Владом Байдой — в Дебальцево, искать подразделение «Миргород». Влад готовил репортажи из Зоны антитеррористической операции для какого-то телеканала в Киеве. Человеком он был интеллигентным, очень приятным в общении и лишенным раздражительной энергетики. Вчерашний вечер помнится плохо, после съемок митинга в Краматорске мы уехали к друзьям Влада и Зои. С ними мы продолжили купажировать свою кровь случайными напитками, и довольно скоро я перестал отвечать на вопросы, уснул и был оставлен всеми в покое. Голова болела в затылке, спина простреливала во всех направлениях, ноги гудели от непривычно активной ходьбы по городу весь вчерашний день.

Влад ехал за рулем старенькой машины молча и, видимо, так же, как и я, ощущал всем организмом последствия вчерашней неразборчивости в питии. Наши болезненные чувства периодически встряхивались на ледяных кочках и дорожных рытвинах. Благодаря большой надписи «Пресса» на обоих бортах машины нас не досматривали солдаты на пикетах, они смотрели журналистские документы Влада и на слово верили, что я его ассистент. Без особых приключений мы добрались до Дебальцева. На блокпосту у большого перекрестка нас остановили и начали осматривать серьезно. Увидели мою справку и долго вертели ее в руках. Я объяснил офицеру, который молча, не моргая, смотрел на меня из-под каски, что я ишу своего брата в батальоне «Миргород». По-видимому, я имел вид истинно страдающего человека, и солдаты не заподозрили подвоха в таком неэнергичном теле, а решили, что меня мучают братские чувства. Нам объяснили, где Никишино, куда мне необходимо было попасть, и где Углегорск, в котором Влада ждали для съемок. Разъезжаться надо было здесь.

— Так не пойдет, — сказал Влад, — мы сначала поедем, снимем мой сюжет, а потом поищем твоих полтавчан. Тем более что ты со своей справкой в зоне боевых действий не очень нравишься людям с оружием. Вместе приехали, вместе уедем.

— Спасибо, брат, — вымолвил я. Ветер обдувал мою голову, и от этого боль в ней становилась не монотонной, а похожей на морской прибой.

От блокпоста до Углегорска несколько километров, еще один пост, проверка, въехали в город. Влад позвонил солдату с позывным «Майдан»: тот командовал взводом разведчиков, и сюжет нужно было снять про них.

— Жди в кафе «Юлия», там тебя заберут, — сообщил Владу собеседник.

Мы нашли кафе, вернее, его сохранившуюся половину. Зашли: ни посетителей, ни персонала, невыносимо громко орет песня: «Не сыпь мне соль на раны!» Похоже, что барная стойка была в несчастливой половине кафе, а сейчас обслуживание ведется через окошко для приема грязной посуды: по крайней мере, над этим окошком висел листик с надписью «Тут». Я заглянул и крикнул:

— Есть кто-нибудь?

— А шо такое? — послышался оттуда женский голос.

— Хозяйка, покушать можно у вас?

— Вчерашний рассольник, — продолжала женщина, не показываясь нам.

— Отлично! Две порции.

— Сто долларов!

Мы с Владом переглянулись и в первый раз за этот день улыбнулись.

— Годится! — крикнул я в темноту. — И триста грамм водки.

В окошке появилась женщина средних лет, вид у нее был озабоченный и усталый.

— Садитесь, мальчики, сейчас разогрею.

Мы сели у единственного окна, остальные проемы были заколочены фанерой, деревянный стол был покрыт обугленными следами от окурков, почему-то пепельницами здесь не принято было пользоваться. Вышла хозяйка, принесла рассольник и водку в двух чайных кружках.

— Двести с вас! — заявила она с таким видом, что лучше нам не спорить.

— Американских долларов? — осторожно спросил Влад.

— Украинских гривен!

Влад расплатился, она ушла, рассольник был несъедобный, но мы его съели. Водочка поправила наше самочувствие, и мы в приятном легком оцепенении уставились в окно, где начался дождик. Скоро на большой скорости подъехала армейская машина, с визгом затормозила, и в кафе ворвался молодой солдат.

— Вы снимать кино приехали? — спросил он нас.

— Мы, — ответил Влад.

— Юлия Сергеевна, налей стаканчик! — закричал солдат в сторону окошка и сел рядом с нами.

— Сто долларов!

— Щас я гранату кину в твое дупло! Давай, нет времени.

— Ща, разбежалась! — ответила Юля, не меняя интонации.

— Колечко от гранаты оставлю себе на память! Юлюня-я!

Показалась хозяйка с чашкой, поставила ее перед солдатом и уставилась на него с подчеркнуто возмущенным выражением лица и одновременно с кокетливой улыбкой. Он обнял ее за бедра и прижал к себе.

— Умница, и боеприпасы не пришлось тратить.

— Деньги! — сказала Юля и демонстративно протянула ладошку «лодочкой».

— Я заметил одного кабанчика, привезу тебе свининки вечером. Будешь ждать?

— Много вас тут таких! — сказала Юля, освободилась из объятий и пошла в сторону кухни под душераздирающие звуки орущего радио: «Вот! Новый поворот!...»

— Здесь раньше нормально было. Ей летом один из наших кинул гранату в бар. Напилился... Хорошо, не убил никого. Так, пацаны, я Леха «Карнавал», сейчас едем к нам, «Майдана» цепануло ночью, там разберемся, шо как.

«Чурайка»

Мы поехали за Лехой, вернее сказать, понесли за его боевым джипом с установленным в кузове пулеметом. Из городка вела широкая асфальтированная дорога с троллейбусным маршрутом, стояли фонари и рекламные щиты. Баннеры на щитах обтрепались и висели лохмотьями, они несли на себе выцветшую бодрость и ободранный оптимизм рекламы, оставшейся напоминанием о довоенной жизни и прежней безмятежности. Мы подъехали к исполинскому сооружению — башне на территории шахты. Рядом распластался террикон — гигантский курган из отработанной породы. Контора шахты олицетворяла собой помпезное отношение к угледобывающей отрасли в эпоху строительства коммунизма. Как полуразрушенный древнегреческий храм парит над Афинами, так и обшарпанная контора шахты «Углегорская» царила среди гор угля и породы, паровозов и вагонов, железнодорожных переездов и барakov. Контора шахты была не только прекрасным памятником сталинского ампира, но и фортификационным сооружением: со всех сторон прикрытая от обстрелов артиллерии, она позволяла чувствовать себя в безопасности ее обитателям.

Сейчас в царственных хоромах квартировал взвод разведчиков под командованием капитана украинской армии «Майдана». Он был легко ранен в ночной перестрелке и сейчас прохаживался по своему замку с забинтованной рукой, в майке и тапочках, ожидая нашего приезда. Рабочей рукой он доставал семечки из кармана, лузгал и плевал по сторонам. Он встретил нас приветливо, но с той отстраненностью и сосредоточенностью на себе, с которой общается элитарное сословие воевод с гражданским простонародьем — понимая, что наличие невоенных людей неизбежно, как существование мух или травы. Влад установил камеру, выставил более или менее сносный свет и начал записывать интервью. Во время записи «Майдан» рассказывал про себя, свою философию, свою войну и свою будущую победу над врагами. Он попросил остановить камеру: приехали с передовой его солдаты, и он вышел к ним. Оказалось, что одного из них тяжело ранили, его отвезли в госпиталь, еще двое с мелкими ранами и царапинами. Но главное, они не нашли их снайпера «Чурай», она уже сутки не выходила на связь.

— Подъем! Вам отдыхать, остальные по коням! Операторы, едете с нами, снимете, как мы «колорадов» будем кошмарить, дайте им жилеты — пока светло, надо «Чурайку» искать. Бегом, бегом! — кричал «Майдан», натягивая на себя обмундирование.

— Оставайся, — шепотом сказал мне Влад.

— Вместе приехали, вместе уедем, — шепотом ответил я.

Все забурлило, откуда-то вынырнули солдаты, отдохавшие до сей поры, забряцало железо, топот по коридору и хлопанье дверей, загудели на улице машины. Все сели, и четыре машины поехали от шахты куда-то вниз, под горку, по разбитой кривой дорожке, через маленькие деревни, мостики, бараки и поля, мимо терриконов, поросших кустарником, водокачек и закрытых шахт. Приехали в маленькое село, к дому, где квартировали украинские солдаты. Они вышли из дома, приехавшие вышли из машин, обсудили обстановку на данный момент, кто и где стреляет.

— Там шось бахало утром, слышь, «Майдан», ты позвони «Соседу», он сегодня снаряды получил, будет работать. Ты ж смотри, не попади под него, а то вам ... — лениво сказал один из местных солдат, закончив нецензурным термином, и попросил сигаретку. Машины остались здесь, дальше надо было идти пешком.

Леха «Карнавал» выдал нам один автомат на двоих, но Влад тащил свой кофр с киношными штуками и камерой, автомат достался мне.

— Стрелял когда-нибудь? — спросил Леха.

— Двадцать пять лет назад, в советской армии, — ответил я без всякого восторга.

Пошли перелесками, потом ложбинками и спустились в овраг, дошли до ручья, а дальше наша вереница запетляла между кустов и заболоченностей вдоль прудика. Снега было мало, под сухой травой хлюпали вода и черная грязь, налипавшая на ботинки и забрызгивавшая сзади идущего. Небольшой привал пришлось очень кстати: я вспотел от ходьбы, дико болели ноги и спина. Солдаты обсудили план поисковой операции, разбились на три группы и пошли в намеченные квадраты искать «Чурайку».

Мы с Владом были отданы Лехе и пошли в наименее обстреливаемом направлении. По дороге Леха нас инструктировал:

— Смотрите под ноги: здесь могут быть растяжки, бошки пригибайте, если начнется пальба — падай и отползай.

Вдруг где-то в километре от нас затарахтели автоматные очереди, потом дальше начал бахать миномет и послышались тихий свист и последующие взрывы. Мы залегли на склоне овражка, Леха с тремя солдатами выползли повыше, смотрели, что происходит, и переговаривались.

— Блин,.... их накрыли, смотри, точно туда бьют....

— Минометы в Новоорловке, от ..., шо делать?

— Щас туда не сунешься, утихнет — пойдем.

Стрельба и взрывы продолжались. Начались артиллерийские залпы из-за спины, пронесся свист над головой, и снаряды разорвались на большом поле, где-то метрах в пятистах от нас.

— Бли-ин, это «Сосед» лупасит! Так, пацаны, найдете дорогу до машин? — обратился к нам Леха. — Мы будем ждать, пока потише станет, и пойдем туда: похоже, труба там «Майдану».

— Может, тащить придется? Мы подождем, — сказал Влад и посмотрел на меня вопросительно, я кивнул головой в поддержку.

— Хорошо, пробирайтесь до тех деревьев, там ждите и не высовывайтесь, если за вами к шести не придем, то выбирайтесь, — поставил задачу Леха и, пригнувшись, пошел с товарищами через сухой кустарник в сторону выстрелов.

Мы с Владом направились в сторону деревьев, указанных нам. Взрывы то затихали, то становились интенсивнее, автоматные очереди трещали, как швейные машинки в цеху. Группа деревьев, к которой мы направлялись, возвышалась над кустарником и находилась между двумя полями с необранной сухой кукурузой. Вокруг все было покрыто воронками, кусты переломаны, ветки деревьев сбиты в желтых зарослях, на поле проплешины с черными дырами. Здесь было потише и значительно безопаснее. Мы выбрали место под деревом, укромное и незаметное со стороны дороги, по которой шла длинная колонна военной техники.

Влад наклонился, чтобы прилечь на сухую траву, и, вскрикнув, отпрыгнул. В траве лежал убитый солдат в камуфляжном плаще с нашитыми тряпичными лоскутами серо-коричневого и охристого цветов.

— Кажется, это «Чурай», которую они ищут, — сказал Влад.

Рядом лежала винтовка с оптическим прицелом, мы приподняли маскировочную вуаль, прикрывавшую лицо. Сомнений не осталось, это была молодая девушка. Лицо ее немного исказилось, как неизбежно меняется плоть в момент отхода жизни, и ее красивые карие глаза продолжали смотреть в траву, но теперь навек ослепли.

Взрывы утихли, отдельные короткие очереди автомата иногда слышались. Мы потащили тело девушки в обратный путь. Потом встретили одного раненого бойца, выползающего с места перестрелки, он погладил девушку по голове и сказал:

— Героям слава. Хлопцы, тащите ее, я сам потихоньку, там винегрет, надо ночью с машиной ехать... так не вытащить, дорогу найдете?

«Край»

Мы добрались к машинам уже по темноте, местные солдаты вызвали подмогу и технику, двое поспешили навстречу раненому. Подробно расспрашивали нас о бое, но много рассказать мы не могли. Нам дали водки и хлеба с салом, налили жидкого супчика. Всю ночь ездили машины в район боя и обратно, там иногда раздавались выстрелы, ночные всполохи взрывов, потом все стихло. Леха «Карнавал» погиб, «Майдан» пока найден не был. Кроме нас, живых осталось пять человек, остальных попытались вывезти, но оставили это до утра. В таких случаях просят противника не стрелять и вывозят тела «двухсотых», по военной классификации потерь. Мертвых повезли в морг, раненых в госпиталь. Мы с Владом добрались до своей машины, погрузились и уехали, ни с кем не прощаясь. Проезжая мимо кафе «Юлия», видели горящий свет, доехали до блокпоста, на заправке стали в сторону и легли немного поспать в машине.

Проснулись мы от грохота. На заправке стояла большая очередь из машин, хлопнули двери, суетились люди. В той стороне, откуда мы приехали, гремели взрывы, в нескольких местах поднимался густой дым. Из Угледорска ехали машины с нагруженными багажниками, некоторые с полными прицепами. Туда на большой скорости неслись армейские грузовики, прошло пять танков с диким ревом, лязганьем гусениц и клубами черного выхлопа. Мы смотрели на происходящее ошарашенно, еще не проснувшимися глазами, озираясь и ежась спростонья.

Влад завел машину и сказал:

— По-моему, надо долить до полного бака.

Мы заправились и поехали в сторону Никишина, подальше от войны. Навстречу нам так же ехали груженные легковушки, автобусы и армейская техника. На въезде в село стояло много автоматчиков и два танка с надписью «Люся» и «Миргород». Мы сказали, что ищем командира подразделения, нас обыскали, проверили документы и сказали ждать здесь, он скоро будет. Солдаты курили и были угрюмы, по их разговорам стало понятно, что события происходят тревожные.

Мы грелись в машине, при обыске обнаружили термос с холодным кофе, спрятавшийся под сиденьем, и пакет с раздавленной ватрушкой. Неожиданная находка нас так порадовала, что мы весьма взбодрились и прекрасно позавтракали. Земля затряслась задолго до того, как мы увидели приближающийся к нам танк, на его борту было написано «Край». На танке приехало человек семь, они спрыгнули и приветствовали стоящих рядом с нашей машиной солдат. Я вышел и сказал, что приехал поговорить с командиром. Один из солдат спросил, чего мы хотели.

— Я ишу брата, он воевал в этом батальоне осенью, зовут Слава Истомин.

— Понятно. Как говорится, шо дальше? Осенних уже нэма, они в котлах, или в аэропорту закопаны. Командира недавно убили. Тебе Палыч нужен, он может помнить. Где Палыч? — спросил солдат.

— Командир, Палыч в Дебальцево вечером поехал, до бабы своей, — ответили ему.

— Ой не вовремя вы, хлопцы, похоже, наш котел скоро захлопнут и сварят тут борщ. Как говорится, шо дальше? Тикалы б вы краще. Всё, не до вас. Так, слухай сюда!.. — и командир начал объяснять присутствующим военным общую ситуацию и их действия.

Из слов его мы поняли, что ночью началось одновременное наступление войск Донецкой и Луганской Республик. Территория, на которой мы находимся,

стремительно превращается в очередной котел, и если обе эти армии соединятся, то попадут в плен или будут уничтожены тысячи украинских военных.

— Я не могу дозвониться до штаба, спят или драпанули уже наши полководцы, — продолжал командир.

Подъехал старый внедорожник с наваренными металлическими сетками и листами по бортам, разукрашенный маскировочной рябью зелено-желтыми красками.

— Палыч, ну хорош по курятникам пастись! Шо там творится? — заорал рослый солдат басом.

— Не завидуй, очень надо было, — засмеялся довольный Палыч, потом сказал деловито:

— Короче, командир, там уже всё, техника не выскочит. Дорога вся простреливается, четыре «Урала» как шли колонной, так и горят, как свечи в ряд. Для гражданских дадут коридоры, так шо решай. А я ехал мимо штаба, там уже ветер гуляет.

— От же ж падлы! В Иловайске тако ж було, ладно, поговорим с ними в Киеве. Хлопцы, через полчаса собраться всем здесь с вещами. Я решу, шо робить.

Толпа забубнила, обсуждая услышанное, закурили, кто-то направился за вещами. Я подошел к Палычу, он был крепкий мужик, коротко стриженный, рыжий, вперемешку с сединой, веснушки на его широком лице перемешивались с природным румянцем и нагулянным загаром.

— Добрый день, — поздоровался я.

— Очень добрый, аж колики от смеха душат, слушаю, — ответил Палыч.

— Вы не помните Славу Истомина, я его брат.

— Славку! Конечно, помню. А ты брат какой, московский?

— Московский.

— Понял, он тебя крыл матом добрэ! И тебя, и Крым, и вашего...

— Где он, вы не знаете? — спросил я.

Палыч замолчал, достал сигарету, закурил.

— Я не знаю, мы были на аэропорте, долго были, нас не могли сменить. Уже стали как Робинзоны. Нас немного отодвинули, но мы уперлись. Складывали пацанов внизу горками: ни увезти, ни похоронить. Меня ранили и еще контузило, потом при ротации отвезли в Харьков, но я ничего не помню. Потом я слышал, что он оставался там до упора, пока уже нас не выдавили. Не знаю, где он, может, по их моргам надо искать.

— Я искал.

— Ой, тут стоко намолотило народу, а в полях лежит! Дома ждут, а мы развлекаемся! Не знаю больше ничего, прости. Вы, хлопцы, дуйте отсюда, а то и вас искать потом будут, — сказал Палыч, бросил недокуренную сигарету в черную грязь и пошел в толпу сослуживцев.

— Что делать? — спросил я у Влада.

— Валить, если еще не поздно! Мы на машине не проскочим уже.

— Давай послушаем, что они предпримут: я так понял, метаться уже бесполезно.

— Да-а-а, — тоскливо протянул Влад.

Солдаты собрались и окружили командира, он влез на танк, чтобы все слышали.

— Хлопцы. Все всё знают, мы в котле, он скоро закроется. Как говорится, шо дальше? Кто в этом виноват, будем разбираться после, я, если выберусь, лично поеду отрывать орехи генералам нашим! Артиллеристы из восьмьдесят седьмой остаются здесь. Будут работать до оследнего по их наступлению, я говорил с «Ляхом». Нам здесь сидеть бессмысленно. Как говорится, шо дальше? Угледорск наши не удержат. Я выдвигаюсь с танками в Дебальцево, напоследок погарцуем. Дальше!.. Кого дома ждут и ему помирать рано, прорывайтесь — пешком, без техники,

технику сожгут. Никакая сволочь не скажет, что вы предатели. Как говорится, шо дальше? Прорывайтесь и попробуйте выжить. Поклонитесь мамкам! Поставьте свечку в Петровской церкви за нас. Прощайте!

Все молчали, потом заговорили разом. Сумбурное волнение овладело батальоном, общий гомон и замешательство. Командир полез в свой танк, машина с надписью «Край» взвыла, густой едкий выхлоп вырвался из-под брони и пополз по асфальту в огороды. Солдаты расселись на машине, и она рывком двинулась вперед, потом сползла с дороги и свернула в поле. За первым танком пошли остальные, оставляя за собой развороченную грязь, черный туман и затихающий гул.

Голубейчики

Мы ехали с Владом по единственной дороге, ведущей из котла. На въезде в Дебальцево образовалась пробка из желающих покинуть эту территорию. Впереди рвались снаряды, поднимался дым и стоял дикий грохот. Многие машины пытались развернуться, буксовали на раскисших обочинах и мешали остальным. Паника и затор на дороге, бешеные люди, попавшие в западню, и военная техника, бесцеремонно едущая что по полям, что среди гражданских легковушек. Час или два мы пытались выехать из затора, потихоньку мы добрались до небольшого съезда с дороги в поселок. Пробирались по грязным колдобинам, заплывшим лужами окраинам города. Взрывы слышались повсюду. Прямо перед нами горел дом, мы свернули, потом еще раз и выехали на асфальтированную дорогу. Перед разрушенным клубом догорал танк, башня с надписью «Край» лежала метрах в десяти от него, вокруг дымилась сухая трава, и огромный сломанный тополь лежал на площади, перекрывая ее всю. По дороге бежала женщина с детской коляской, рядом с ней, виляя и останавливаясь, ехала девочка на велосипеде.

— Садитесь, быстро, — крикнул Влад и остановился рядом с ними.

— Ой, спасибо, ой! — закричала женщина. — Садись, доча, садись! Брось ты этот велосипед!

— Нет! — плакала девочка. — Это подарок папы! Нет! Это папа подарил! — кричала она в истерику.

Мы выскочили с Владом, открыли багажник и сунули туда коляску, она торчала наружу, велосипед закинули на багажник. Всех посадили, девочка плакала в испуге, младенец издавал кряхтение.

— Куда ехать? Где тише? — нервно спросил Влад.

— Прямо, надо к больнице ехать, пока прямо, спасибо, спасибо, — всхлипывала женщина.

Кругом стоял грохот, на улице лежали убитые, горели дома. Мы ехали по главной дороге, объезжая воронки, горящую технику и сломанные деревья, чтобы выскочить из центра и спрятаться на окраине. За поворотом поперек дороги стоял танк «Люся» с длинным дулом, смотрящим в сторону жилых домов. Оглушающий выстрел, наша машина подпрыгнула от воздушного удара, раздался взрыв, и пятиэтажку окутало дымом. Башня медленно поворачивалась к нам.

— Он что, с ума сошел!

— Влад, сворачивай, Влад! — заорал я в шоке.

Мы нырнули в переулок, сзади прогремел выстрел, девочка кричала в ужасе, женщина рыдала.

— Боже помилуй! Боже помилуй! Сюда, сюда поворачивай. Тут дурдом, в него, в него!

Мы подъехали к высокому кирпичному забору, в нем отсутствовали несколько секций, они завалились набок, открывая густой заросший сад. Мы бросили машину и вбежали в не чищенный никем сад. Влад прорубал нам дорогу через дебри, за ним пробиралась женщина с ребенком, потом девочка и в конце я с велосипедом. В сухих листьях, паутине и репейнике, мы выбрались к старым обветшалым домикам, в которых располагались отделения больницы. На небольшой площадке между постройками дымилась свежая воронка от артиллерийского снаряда, в зарешеченных окнах, выходящих на площадку, были разбиты стекла.

— Голубейчики! — сказала тихо девочка и показала пальцем на голубятню в маленьком больничном сквере.

Будка с голубями стояла на четырех столбах и находилась над земляным искусственным холмиком, в котором была дверь. Над головой провизжал снаряд и взорвался сразу за больницей. Мы подбежали к холмику, на двери была надпись «Бомбоубежище. Психоневрологический диспансер», но оббитая металлом дверь была заперта. Ломиться, стучаться и колотить ногами в эту дверь не пришлось: к нам, тяжело дыша, бежала сотрудица и кричала:

— Бегу, бегу! Открываю!

Она открыла дверь, и мы пошли по ступеням вниз, в холодный мрак спасительного грота.

Больница была обесточена и не отапливалась, с лета больные и персонал разошлись по домам. Единственным верным часовым на страже имущества оставалась тетя Люда. Она жила рядом с больницей и проработала в ней сорок лет. Еще летом, когда сюда пришел фронт, ей приходилось неделями жить в этом убежище. Здесь было заготовлено все для скромного существования. Сегодня, когда начался обстрел, тетя Люда поспешила сюда и тем самым спасла нас. Она зажгла свечку и сказала:

— Дверь не закрывайте, еще соседки могут прибежать.

Над головами громыхало, и иногда где-то совсем близко, но в убежище звук обстрела стал слабым и разбавленным. Наш младшенький заворочался, закричал всерьез и собрался на всех накричать, но мамкина грудь его привлекла, и он присосался к теплой «радости младенца».

Влад

Почти непрерывный обстрел длился два дня. Когда становилось потише, мы с Владом бегали за водой. Вокруг были страшные разрушения и пожары, голубятня снесена, и наше убежище покрылось белым пухом невинных жертв войны. Я собрал тела «голубейчиков» и прикопал их в воронке посреди сквера. В бомбоубежище, как в варежку из сказки, собрались окрестные жители и соседи тети Люды, у одних погибли родственники, у других были уничтожены дома и хозяйства.

Мы с Владом заняли маленькое техническое помещение и спали. События последнего времени вымотали нас.

— Почему люди убивают друг друга?

— Никто никого не любит.

— Но это братоубийство.

— Первый рожденный на земле человек убил своего брата.

— Значит, нас не защищает родная кровь? Но не все же такие!

— Кто не такой, те святые. Большая редкость.

— И что делать?

— Становиться святыми! — сказал Влад и засмеялся.

— Ну, подожди, я серьезно, что происходит? Я родился на Украине, живу в России. Я всю жизнь говорил на русском, но знаю и люблю украинский язык. Здесь мой брат, там я. Что происходит?

— Всю жизнь Украина была польская, но православная. Потом российская, но цари разогнали вольное казачество. Народ помнит все. Неправда становится ядом и отравляет жизнь. Сейчас потомки тех казачков на Майдане чуют.

— Ты оправдываешь происходящее?

— Я терпеть не могу киевских жуликов, провокаторов и вандалов, но почему их поддерживают самоотверженно и искренне? Почему люди хотят террора?

— Виновата Россия! Да? Очень удобно.

— Три причины. Первая: наша элита — импотенты, они хотят, чтобы прилетели европейцы в «голубом вертолете» и сотворили из Украины Швейцарию за неделю. Вторая причина: народ не хочет жить по-русски — царь, вокруг охамевшая боярщина и издевательство над правами простых людей. Причина третья: Крым! Все, кто поддерживал Россию раньше, после Крыма оскорбились и пошли к майданистам. После Крыма к нам вышел Вий со свитой и сказал: «Теперь я буду жить на Владимирской горке!»

— В Крыму — русские люди.

— Согласен, так и есть. И здесь, на Донбассе. Здесь искренне ждут помощи от России, наши не помогут. Но любая неправда через время становится ядом и отравляет жизнь. Украина как была, так и будет окраиной, только выбирает мачеху Европу, а не тещу Азию с великорусской баландой.

— Согласен. Никто не поможет. Пора становиться святыми...

— Пошли, для начала чайку попьем.

На третий день боев за Дебальцево канонада утихла. Обитатели бомбоубежища вышли на улицу. Где-то раздавались одиночные автоматные выстрелы. Машина Влада ремонту не подлежала: по ней проехали на чем-то гусеничном и тяжелом. Мы поблагодарили нашу спасительницу тетю Люду и пошли по изувеченному городу искать дорогу домой. На главной площади уцелевшим жителям раздавали хлеб ополченцы. Я подошел к одному из них и спросил, как отсюда выбраться.

— Через Углегорск, на Горловку и там на Донецк, а в других местах пока стреляют, — сообщил ополченец.

— Чего делать будем? Мне в Донецк не надо, — улыбаясь, сказал Влад.

— Звони Тараске!

— Тараска, мы живы, мы в Дебальцево! — проговорил Влад в умирающий телефон... — Зоя сказала найти ее мужа, позывной «Помор», она едет сюда.

Мужа Тараски мы нашли с легким ранением в полевом госпитале. Потом приехала Зоя. Она, как всегда, всех выручила и «спасла мир». Пришла пора прощаться.

— Влад, я не знаю, что сказать, я не хочу с тобой расставаться.

— Сань, нас нельзя разлучить, ты мне помог, я знаю теперь, что у меня есть брат.

Мы обнялись.

— С Богом.

Я ехал в Москву, а Влад вместе с Зоей в Киев.

Впечатления от увиденного и пережитого свинцовой каской придавили мое сознание. То, что я видел по телевизору до поездки на Украину, при всем старании журналистов не передавало масштаба разрушений, горя и ужаса. Война стирает

с лица земли жизнь. Я покидал страну, где остаются жить в нечеловеческих условиях люди, ставшие мне родными. Здесь у меня появились друзья. Здесь я потерял брата.

Донецк, Ростов-на-Дону, Внуково, московское метро — и я дома.

Разбирая электронную почту, увидел письмо из Полтавы.

<...@ukr> 25 фев. 2015 в 14:34

Саша, здравствуй, это Наташа. Славу я забрала. Ездила за ним в Луганск. Он в коме. Его нашла Шухмина Настя, сказала, от тебя. Я там была, все видела, я в шоке. Здесь люди этого не знают. Спасибо тебе.

И сказал Господь: что ты сделал? голос крови брата твоего вопиет ко Мне от земли. Быт. 4:10.

Прости, брат.

*Написано на основе событий и впечатлений
от увиденного на Донбассе в январе—марте 2015 года.*